

Василий Ханевич
Деревенька родная моя...

На холмах, по берегу некогда полноводной, а теперь почти заросшей речушки Бровка, в тридцати километрах от районного центра Кривошеина лежит небольшая теперь деревенька Белосток. Появилась она в самом начале века стараниями переселенцев из Гродненской, Витебской, Виленской и Седлецкой губерний Российской империи, в основном поляков и белорусов. Были это люди, решившие попытаться счастья и найти свою судьбу в далекой и глухой Сибири, так как не было достатка и счастья на своей земле, потому что не хватало, да и не было у многих этой самой земли. Ехали большими семьями, прихватив с собой нехитрый крестьянский скарб. Добравшись до места, которое еще раньше облюбовали посланные вперед ходяки, сразу же принимались за дело: нарезали наделы, раскорчевывали их, строили дома, сначала временки, а потом добротные пятистенки. Не забывали и с духовной стороны — сразу же наняли в Томске плотников строить в селе костел.

Красивое выросло село. И название ему дали красивое — Белосток, в честь города в Польше. Чтобы знали потомки, откуда родом их отцы и деды.

К началу первой мировой войны это было уже довольно большое село, насчитывавшее ^{должно быть хозяйств} ~~более двухсот дворов~~. А рядом появилось еще несколько переселенческих деревушек — Верх Бровка, Андреевка, Козловка, Георгиевка, Ново-Киевка и другие, ныне уже не существующие. Крепко и соседнее село Вознесенка, появившееся немного раньше. Крестьяне распахивали земли, расти-

ли хлеб, рожали детей - словом, обживались навсегда.

Революцию приняли хорошо, еще помня притеснения и колхозную работу на панов. Но гражданская война, колхозщина, продразверстка тяжело сказались на жизни мужиков. Многие колхозцев лишились тогда семьи. Но жизнь шла своим чередом и надо было жить...

В начале тридцатых годов ^{стали} начали и в Белостокке поговаривать о коллективизации и колхозах. Трудно на эти разговоры шел сибирский мужик, уже привыкший самостоятельно хозяйствовать на земле... Местные власти все решительнее настаивали на создании в селе колхоза: везде уже колхозы созданы, а у вас одни разговоры... Некоторые жители, видя такой оборот, стали уезжать в Томск, вербовались на шахты Кузбасса, перебирались в рабочие поселки, навсегда порывая с хлебопашеством.

В ^{марте} 1935 году в селе все же был ^{организован} создан колхоз. Большой, состоявший из четырех бригад. Назвали его "Красный штандарт", по своему, вопреки воле начальства. Наверное, не захотели славить тогдашнее руководство страны, хотя все созданные в округе колхозы были "имени": в Андреевке - "Имени Ворошилова", в Георгиевке - "Имени Калинина", в Ивановке - "Имени Куйбышева", в Верх Боровке - "Имени Буденного". И только в Вознесенке - "Имени I Мая".

Стремясь быстрее справиться с завершением сплошной коллективизации в деревне, начальство стало раскулачивать строптивых, шантажировать сомневающихся: отбирали наделы земли, обрезаали до самого крыльца приусадебные участки и огороды, увеличивали планы сдачи зерна... А если были очень уж недозвольные, не беда - помогала милиция... Прошли первые аресты: кого за длинный язык, кого за нежелание вступить в кол-

Всего 8 человек
было арестовано
и 5,04.35 г.
восток. Заседа
Маршала
апр. суд арестован
ит. 12 раз.
срочный отпуск
от 3.2 26/10 апр

хэз.

С 1937 года стали в селе арестовывать "по линии НКВД". 13 августа было арестовано сразу несколько человек. В первую очередь арестовали местную интеллигенцию: директора школы Петра Дмитриевича Червонного, учителя Павла Ивановича Борисевца, завхоза школы Николая Максимовича Карелина. Вместе с ними были арестованы колхозники Феликс Венедиктович Михня, Франц Михайлович Мазук и другие. В октябре арестовали еще одну группу колхозников, в их числе и члена сельского исполкома Исифа Семеновича Назарука. Были еще аресты, в основном шли они вечером или ночью. Но самой страшной ночью, которую и сейчас еще немногие очевидцы не могут вспоминать без слез, стала ночь с 11 на 12 февраля 1938 года.

- Я в тот вечер была дома с маленьким сыном Павликом и квартирантом, стариком Шимановским Тадеушем, - вспоминает тэмичка Вера Викентьевна Михня. - Муж в это время был в лесхозе на лесозаготовках. Стучат ко мне председатель сельсовета Таткин Иван, активист из Верх Бровки Толкачев Василий и еще кто-то. Кричат: "Открывай дверь!" Я отвечаю, что мужа нет дома. А они: "Все равно открывай!" Я стала открывать, а старик испугался, схватил на руки моего сына и не отпускает его. Они ему приказывают собираться. Дала я ему кусок сала, булку хлеба в сумку положила, взял он чашку с ложкой. В хате все перерыли, а что искали, я не знаю. Увели этого старика, а какой он враг? Он всю жизнь свою ничего не имел, работал сторожем в костеле. Семь раз в "Расею", на родину, пешком ходил... Безобидный был, мухи не обидит. Много народа тогда забрали. Всех подряд хватали и сгоняли в народный дом в центре села. Столько толкали, что мужики от духоты и тесноты задыхаться стали. Стали кричать, а их все

равно не выпускали, и никого даже близко не подпускали. Попали туда и четыре брата моего отца - Роман, Осип, Станислав и Феликс. Дядя Роман и дядя Станислав инвалидами были. У первого пальцы были обморожены, второй был хромым, но их все равно забрали. Забрали моего отца Микшу Викентия с его еще одним братом Антоном и мужем тети Удип Егэром. Правда, их забрали не из Белостока, а из города Шахты Ростовской области, куда они уезжали работать... В ту ночь в деревне конец света был. Бабы режут и несутся от народа, где мужики заперты, да к своим домам, где плачем дети захлопываются. Собаки по всей деревне воеют, коровы мычат... До сих пор не могу спокойно вспоминать.

Забрали тогда мужиков почти из каждого дома, человек около ста. Суда не было, бумаг, обвинения тоже никаких не было. Был только слух, что всех забрали как врагов народа по 58-й статье без права перелиски. Правда, через какое-то время несколько человек вернулись, но они молчали... ^{В 1983 году, когда это перед кончиной} Только сейчас один из таких

"счастливицков" Павел Адольфович Шумский, рассказал:

- От Белостока нас в сопровождении конного конвоя потянули до Кривошеина. Там также заперли в клубе ^{других} Из деревень тоже пригоняли. Собрали этап, 241 человек, и пешком дальше, по замерзшей реке. До Колпашева гнали, как скот. В Колпашеве загнали в большой деревянный дом и растолкали по камерам. Народа в камерах битком было. Вызывали на допросы, били... Предъявили обвинение в краже подшипников к трактору, так как я в то время учился на тракториста, мне семнадцать лет было. О чем был разговор у следователя, рассказывать в камере запрещали. А через восемь суток ночью меня и еще двух односельчан - Зенчука Антона и Матеша Антона привели к следователю, и он сказал, что мы свободны и можем отправляться домой. Но если будем болтать о

через
смерть в 1989

том, что здесь видели и слышали, то нас заберут снова и уже так легко мы не отделаемся...

Вернулся из Колпашева также Иван Фомич Кисель, так, до самой смерти и не узнавший, случайно или нет он оказался на свободе. Ночью конвоир вывел его за город и приказал идти к врагу. Иван Фомич подумал, что его ведут на расстрел, а охранник в это время приказал бежать... выстрелил в воздух и ушел. Так после того выстрела Кисель за одни сутки преодолел немалозначительное расстояние от Колпашева до Белостока.

Ивана Мазюка из деревни забрали больного, завернули в одеяло и бросили в сани. В Колпашеве он сразу же попал в тюремную больницу и пролежал там до лета. Очевидно, к тому времени уже он был не нужен и его отпустили домой, где вскоре он и умер. Вернулись в деревню также Филипп ~~8088888888888888~~ Степанович Шуть и Александр Павлович Кисель. Как выяснилось сейчас, они были взяты не как враги народа, а всего лишь как свидетели...

Вот так были побеждены враги народа из села Белосток. Не помнят в селе, были еще аресты после февраля 1938 года или нет. Очевидно, нет, так как некогда было больше арестовывать. Слово вымерло село - остались в нем только ребятинки малые, подростки, да женщины, ставшие вдовами задолго до войны, хотя вдовами они себя не считали и каждый день ждали, ждали хоть какой-то весточки, ловили разные слухи. Но чуда не бывает... Никто из них так и не дождался своих родных.

Впрочем, есть единственное исключение. В конце пятидесятых годов вернулся в Белосток брат моей бабушки Иван Александрович Исч. Вернулся, но, чувствуя себя без вины виноватым, что остался жив, когда судьба других неизвестная, не выдержав

женских слез и распрощавшись с вдовой и матерью, тут же и уехал. И только в 1983 году, приехав в гости, поделился со мной скудными воспоминаниями.

Арестовали его, молодого и неженатого тракториста, в числе последних в 1938 году. В Колпашеве, на печально известном Тюремном острове он встретил смертельно больного этника Александра Казимировича, арестованного 14 января 1938 года. Вместе сидели в сырой землянке, там, 20 апреля 1938 года мой прадед умер на руках сына от голода, холода и шлей.

Весной, после ледохода, Ивана Александровича и других арестованных погрузили в трюм большой баржи и повезли до Новосибирска. В барже он видел нескольких белостокцев, в том числе и своего старшего брата Константина. Пока везли, есть и пить не давали, по нужде и подышать воздухом не выпускали. В дороге многие умерли. В Новосибирске Иосифа и еще нескольких молодых мужиков перегнали в здание тюрьмы, а остальных оставили в трюме баржи. Через какое-то время его вместе с другими выгнали в тюремный двор. Начальник, зачитывая приговор, объявлял всем сроки заключения. Сначала называл фамилии и объявлял каждому срок, но затем, очевидно, устав, объявил, что все остальные также получают срок заключения 10 лет в исправительно-трудовых лагерях и 5 лет поражения в правах... И началась для него на долгие годы уже другая жизнь, жизнь "зека" на студенческой магаданской земле. Катал тяжелую тачку с землей для промывки золота, рубил кайлом мерзлый грунт, промерзал до костей в ледяной воде... Отбыв свой срок от звонка до звонка, остался там же, на руднике поселка Транспортного Магаданской области, но уже вольнонаемным. Работал шифером, женился. А когда здо-

рзвья уже совсем не стало, переехал с семьей на родину жены в небольшой городок Фрунзенской области. Что остался жив, считает до сих пор или чудом или подарком судьбы.

Все эти долгие годы пытался он отыскать следы своих односельчан. Спрашивал на пересильных этапах, интересовался у вновь прибывших заключенных... Но все напрасно - никто ничего не слышал, никто ничего не знал...

И только сейчас с помощью сотрудников Управления КГБ по Томской области и активистов общества "Мемориал" удалось выяснить - и то пока еще не до конца - что же произошло тогда с жителями нашей деревни.

Большинство арестованных обвинялись по ст. 58-2-6-9-10-11 *) УК РСФСР, как участники националистической контрреволюционной диверсионной повстанческой организации "Польская организация войсковая". По Белостску было не одно, а несколько дел этой организации. Проходили по этим делам небольшие группы жителей в четыре-пять человек, в двенадцать человек, и большие - до семидесяти. По всем же делам было арестовано более двухсот человек.

Все дела были липовыми, сфабрикованными работниками НКВД. В их воспаленном воображении был создана большая подпольная организация, состоящая из поляков. Задачей своей она ставила свержение Советской власти, вредительство в колхозах, шпионскую и террористическую деятельность в интересах буржуазной Польши. Действовала она везде, где жили поляки. И, следовательно, органы НКВД находили следы вражеской работы везде. Подобные организации были "обезврежены" во многих районах Нарымского округа Запсибкрая.

В делах некоторых арестованных белостокцев имеется изъятая

---

* В книге неоднократно будут упоминаться различные пункты знаменитой 58-й статьи УК РСФСР. В кратком изложении их смысл таков: п. I - свержение, подрыв или ослабление Советской власти, п. I^а - измена Родине, п. 2 - вооруженное восстание или бандитизм п. 3 - связь с иностранцами (в контрреволюционных целях), п. 4 - помощь международной буржуазии, п. 5 - склонение иностранных государств или организаций к действиям против СССР, п. 6 - шпионаж, п. 7 - использование госучреждений и предприятий в контрреволюционных целях, п. 8 - терроризм, п. 9 - диверсии, п. 10 - контрреволюционная агитация и пропаганда, п. II - организация преступлений, предусмотренных иными пунктами (прим. редактора)

при обысках переписка с родными в Польше — явное доказательство шпионской деятельности. Не найдя при обысках никакого оружия, в обвинении записали, что вооружаться организация должна была потом, захватывая оружие во время восстания. А чтобы обвинения были более достоверными, требовали признаться в совершении какого-нибудь вредительства или диверсии. И признавались мужики, что выводили из строя трактор или мотилку, поджигали колхозные скирды или партили лошадей. А кто грамотнее — те признавались в контрреволюционной пропаганде, подрыве авторитета Советской власти и колхозного строя, руководстве террором. Признавались, не выдержав избиений, ставили в протоколах свои закорючки, а в большинстве — прикладывали палец, многие были неграмотными.

Судила белостокцев не тройка НКВД Забсибкрая, а Особое совещание. Все бумаги с приговорах подписывало высшее начальство в Москве, очевидно, для большей убедительности и значимости сфабрикованных дел.

Все репрессированные в 1937—1938 годах жители Белостока и Вознесенки были реабилитированы посмертно за отсутствием в их действиях состава преступления. Некоторые жители Белостока на свои запросы о судьбе родственников еще в 1955—1957 годах получили справки о реабилитации, некоторые получают их и сейчас, многие не имеют их и сегодня и не знают о реабилитации. Да и что можно было узнать из этих скудных извещений? Что отец или муж был невинно? Они это знали и раньше... Невозможно сказать о месте приведения приговоров в исполнение, о месте захоронения расстрелянных и умерших. Можно только предположить, что многие нашли свой конец в глубокой яме окружной тюрьмы

НКВД в Колпашево...

Невозможно пока именно назвать всех репрессированных жителей Белостэка и Вознесенки. Не знаем мы и имен палачей, подписавших приговоры в Москве и приводивших эти приговоры в исполнение на местах. Закрыты пока архивы НКВД, и где-то на стеллажах Центрального архива КГБ находится на вечном хранении уголовное дело № 830458 в трех томах по обвинению жителей села Белостэк. Откроет ли оно свои тайны? Будем надеяться...